

Практики, меняющие жизнь

КАРЛОС КАСТАНЕДА

Продвижение к Силе

**ЗАКРЫТЫЙ
СЕМИНАР
ВЕЛИКОГО
МАСТЕРА**

Яков Бен Бирсави

Практики, меняющие жизнь

Яков Бирсави

Карлос Кастанеда.

**Продвижение к Силе. Закрытый
семинар великого мастера**

«Издательство АСТ»

2014

Бирсави Я. Б.

Карлос Кастанеда. Продвижение к Силе. Закрытый семинар великого мастера / Я. Б. Бирсави — «Издательство АСТ», 2014 — (Практики, меняющие жизнь)

Автор этой книги – биржевой маклер, один из самых компетентных людей Уолл-стрита. В молодости ему посчастливилось посетить семинары доктора Кастанеды. Знания, полученные там, навсегда изменили его жизнь и, по мнению автора, предопределили его успех в бизнесе. Долгое время записи с семинаров были недоступны читателям. Однако недавно эта книга увидела свет! Десять уроков, которые Карлос Кастанеда дал американским студентам. Десять упражнений, которые продвигают человека к Силе, к пониманию мира, умению управлять реальностью. Описание десяти дней с Мастером, которые способны изменить и вашу жизнь.

© Бирсави Я. Б., 2014

© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Карлос Кастанеда. Путь Волка	5
Семинар доктора Кастанеды	6
Несостоявшееся занятие	8
День первый. Видение Силы	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Яков Бен Бирсави

Карлос Кастанеда. Продвижение к Силе.

Закрытый семинар великого мастера

Карлос Кастанеда. Путь Волка

ОБ АВТОРЕ

Яков Бен Бирсави – биржевой маклер, один из самых компетентных людей на Уолл-стрите. В молодости серьезно увлекался идеями Карлоса Кастанеды, посещал его семинары и лекции. Считает, что успех его бизнеса напрямую связан с магическими знаниями, полученными на занятиях доктора Кастанеды. Долгое время Бен Бирсави не считал нужным распространяться о своей причастности к учению индейских шаманов, просто потому, что никогда не считал себя учеником Карлоса. Однако когда одна из деловых газет назвала его последователем Кастанеды, он в качестве опровержения решил написать книгу о своем знакомстве со знаменитым антропологом и мистиком. Книгу автор разрешил опубликовать ограниченным тиражом. Она вышла в 2005 году.

Причина, которая побудила меня написать эту книгу, заключается в том, что я хочу раз и навсегда откреститься от ярлыка последователя Карлоса Кастанеды. Я – не его последователь и уж тем более не его ученик. Я даже не занимаюсь распространением магических знаний, которыми владел его нагуаль дон Хуан Матус: эта задача в полной мере выполнена самим доктором Кастанедой и другими учениками нагуаля. Моя книга – всего лишь беглый рассказ о том, как я познакомился с индейскими представлениями о Силе и Знании. Я присутствовал на многих публичных выступлениях Карлоса Кастанеды, но тот, первый семинар живо врезался мне в память. Конечно, он не мог не запомниться: ведь именно благодаря этому семинару я познакомился со своей будущей супругой. Но дело еще и в неординарной личности Кастанеды. Все, что он рассказывал, было не так впечатляюще, как то, как он это подавал. Он постоянно огорошивал нас. Мы не знали, чего от него ожидать в следующий момент, хотя большую часть времени он был спокоен, серьезен и доброжелателен. Он мог перейти от смеха к ярости, от гнева к слезам; он заставлял нас играть и верить в игру, чувствовать ее реальность. Для него самого было реально все, любая его выдумка, даже самая безумная. Десять дней семинара были для нас постоянной сменой миров и реальностей. Все, что происходило с нами в этот период – как в семинарской аудитории, так и за ее пределами – происходило под сильным влиянием личности доктора Кастанеды. Я пытался разгадать ее, вставить в какие-то удобопонятные рамки, дать четкое определение. То казалось, что Кастанеда дико заблуждается, то я был уверен в абсолютной истине его слов. Но и после всех прочитанных книг, посещенных семинаров и прослушанных лекций я сумел понять лишь одну-единственную вещь: заблуждение и истина существуют на разных краях одной дороги. Ведь, как сказал Августин Аврелий: «Когда мы возвращаемся от заблуждений, мы, конечно, возвращаемся потому, что узнали их».

Семинар доктора Кастанеды

На свой первый семинар к доктору Кастанеде я попал благодаря Теду Ловенталю. Я познакомился с ним осенью 1993 года. Тогда я жил в Нью-Хейвене, штат Коннектикут, учился в колледже Йельского университета и готовился получить степень бакалавра экономики. Вообще-то финансы – совсем не то, чему я бы хотел посвятить свою жизнь, но я знал, что у потомка еврейских эмигрантов в этом вопросе практически нет выбора. Мой дед, Абрахам Ван (Бен) Берсави, вместе с родителями бежал в Америку из Голландии в начале 1940-х; тогда ему было 16. Несмотря на то, что дед явился в Новый свет в дырявых сапогах, впоследствии он весьма преуспел: стал банкиром. Мой отец всю жизнь занимался инвестициями, так что мое будущее было определено еще до рождения. Надо сказать, экономическая теория казалась мне скучнейшим из предметов (впрочем, и не мне одному), неудивительно, что моя успеваемость к концу обучения не дотягивала до хороших средних баллов. Чтобы как-то восполнить этот пробел, на третьем курсе я поступил на факультет теологии. Это был самый непопулярный факультет, и, наверное, именно поэтому там было больше всего иностранцев. Там-то я и встретил Теда. Он приехал из Лондона. Обучение Ловенталю оплачивал какой-то фонд, а своих денег у него не водилось. Когда нас представили друг другу, он вцепился в меня, как клещ, имея в виду мое материальное состояние. Я действительно не был беден, однако в мои планы не входило ссужать деньгами кого бы то ни было. Тем не менее Тед я часто кормил обедами: он меня заинтересовал. Он готовился защитить диплом на тему «Цивилизованные формы шаманизма». Об этом Тед знал очень много: все четыре года он не вылезал из университетской библиотеки и, кроме того, каждое лето выезжал «в поле», чтобы увидеть и описать шаманские обряды. Когда он рассказал мне о своей работе, я немало удивился: разве шаманизм может быть цивилизованным?

– Религия, какой знали ее наши предки, умерла, – ответил мне Тед. – Люди возвращаются к язычеству, к системе договоров между ними и духами. Рассказать тебе, что такое цивилизованный шаманизм?

И я узнал, что одно из ярчайших проявлений шаманизма – игра на бирже (то есть именно то, чем я планировал заняться в будущем). Я посмотрел на свое дело глазами Теда, и с тех пор экономика перестала казаться мне скучной. А это, согласитесь, стоило обедов.

В конце июня Тед переехал ко мне на съемную квартиру: общежитие на лето закрывалось, а Тед не планировал ни возвращаться в Лондон на каникулы, ни ехать куда-либо для исследований. В университете ему предложили поработать в приемной комиссии.

Однажды он вернулся домой в загадочном настроении. Я спросил его, что это с ним такое, и в ответ услышал:

– Одолжи мне сотню.

– Сотню? – удивился я.

– Вообще-то, мне нужна тысяча долларов, – уточнил он. – Но для начала хватит и ста.

Обычно в таких ситуациях я отшучивался, но Тед меня заинтриговал: уж очень блестели его глаза. Я осведомился, зачем ему такие деньги, и он рассказал мне, что в университет приезжает сам Карлос Кастанеда, чтобы провести десятидневный семинар для студентов-антропологов.

– Первый взнос – сто долларов, – объяснил Тед. – Их нужно заплатить уже сейчас. Вообще-то это только для нашего факультета, но если хочешь, я запишу и тебя.

Тысяча долларов – это деньги, но я заинтересовался. К тому моменту я уже прочел несколько книг Кастанеды (их подсунул мне Тед). Они показались мне довольно занятными, хотя, в принципе, идеи дона Хуана, на которого ссылался автор, не были для меня новы. Быть

может, Ловенталю и не удалось бы меня заманить, но дело в том, что мне хотелось задать доктору Кастанеде один вопрос. Вопрос этот был действительно важен для понимания всего того, что Карлос описывал в своих книгах. Собственно, и сам метод изменения сознания, который предлагался там, зависел от ответа на этот вопрос.

Несостоявшееся занятие

Я заплатил в кассу университета две сотни (за себя и за Ловенталя) и получил взамен пару сиреневых бумажек, сложенных треугольниками. На бумажках не было ничего написано, но выдавшая их девица (я не знал ее) заявила, что в день первого занятия их нужно будет непременно иметь при себе.

Семинар начинался в понедельник в восемь утра. У входа в аудиторию стояли две незнакомые женщины. Они велели нам написать на сиреневых треугольничках свое имя и телефон. «Это вы отдадите при выходе», – сказали они.

Мы немного опоздали, и нам пришлось занимать задние скамейки: аудитория была полна. Однако семинар все не начинался: Кастанеда еще не пришел.

* * *

Я окинул взглядом собравшихся: человек тридцать, большинство девушки. Присутствующие были очень оживлены, шушукались между собой; глаза у всех горели. Общее возбуждение проносилось в воздухе быстрыми и плотными токами, так что было трудно дышать. Минут через двадцать накал ожидания достиг предела. Шушуканья переросли в гомон, аудитория зашевелилась, кто-то поминутно вскакивал с места и снова садился. «Ну когда же, когда же начнется?» «А может, совсем не придет?» Через час энтузиазм пошел на убыль. Одни занялись своими делами, другие уже поговаривали о том, что нужно успеть в кассу до обеда, чтобы получить назад свою сотню. Впереди меня сидела девушка с моего потока, и я от нечего делать стал болтать с ней о последнем альбоме группы Lynyrd Skynyrd.

Мы так увлеклись, что не сразу заметили, как все вокруг стихло. Я глянул вперед: на кафедре, прямо на столе сидел человек. Судя по его позе и скучающему выражению лица, он сидел там довольно давно. Более того: у меня было полное впечатление, что он находился там с того самого момента, как мы вошли в аудиторию. Но по каким-то причинам решил обнаружить свое присутствие только сейчас. Та же самая мысль, по-видимому, посетила и все тридцать человек, которые вылупились сейчас на него с недоумением. Это, безусловно, был доктор Кастанеда.

Смуглый, слегка обрюзгший, он был похож на старого волка, который, несмотря на то что уже не может так быстро гоняться за дичью, все еще держит в страхе всю стаю.

* * *

Когда всеобщая тишина и любопытство стали плотными настолько, что их можно было уже потрогать, Кастанеда легко соскочил с кафедры и подошел к парню, сидящему на первом ряду. Затем взял со стола две книги, покачал их в руках, как бы прикидывая на вес.

– «Сказки о Силе», – звучно сказал Кастанеда и шлепнул первую книгу на стол. – «Второе кольцо Силы». – Последовал второй шлепок.

Затем он обвел глазами аудиторию.

– Пожалуйста, поднимите руки те, кто пришел сюда за Силой, – попросил он.

Это была именно просьба, а не приказ: нам дали понять, что у нас есть выбор. Я задумался и не стал поднимать руку: по здравому размышлению, я не пришел сюда за Силой. С десяток рук взметнулось вверх; Тед тоже поднял руку.

– Очень хорошо, – кивнул Кастанеда. – Благодарю за внимание, вы можете идти.

Мы непонимающе смотрели друг на друга... никто не решался выйти.

– Те, кто поднял руки, могут идти, – повторил Кастанеда. – Не задерживайте остальных, пожалуйста.

«Пришедшие за Силой» нерешительно стали подниматься со скамеек и, пожимая плечами, направились к выходу.

– А теперь будьте добры, поднимите руки те, кто не пришел сюда за Силой, – сказал Кастанеда, сделав ударение на слове «не». И посмотрел на меня – поверх остальных, сидящих впереди.

Я поднял руку даже не глядя, кто еще сделал так же.

– Вы тоже можете идти. Всего хорошего.

Вместе со мной вышли человек десять. Еще десять человек остались в аудитории. За дверьми стояли те же незнакомые женщины; в руках у одной был ящичек с прорезью. Каждый выходящий должен был бросить свой сиреневый треугольник туда.

* * *

Тед ждал меня на улице. Я думал, он будет разочарован, но он еще больше светился и подпрыгивал.

– Что там? Что там? – коротко спрашивал он меня. – Кто остался, сколько? Вот везунчики; так, наверное, Карлос отбирает достойных.

– Да уж, – усмехнулся я. – А мы с тобой, значит, лицом не вышли. Однако две сотни пропали зря.

Тед остался в университете ждать окончания занятия в надежде разнюхать, о чем говорил доктор Кастанеда. Я же отправился за город, в гости к другу.

Когда я вернулся, Ловенталь был уже дома. Не успел я войти, как он выплеснул на меня новость:

– Только представь себе, Джек: он два часа грузил им про феноменологию и восприятие, только и всего! Никто не хочет идти на семинар: платить за это занудство штуку баксов!

– Наверное, именно так Кастанеда и отбирает достойных, – пошутил я.

Но шутка моя неожиданно обернулась правдой. Поздно вечером мне позвонили из университета и сообщили, что следующее семинарское занятие состоится завтра в четыре часа пополудни. Спустя минут десять раздался еще один звонок: тот же голос попросил позвать Ловенталья.

– Ну и ну! – сказал он, положив трубку. – Ты представляешь, завтра в восемь утра я должен быть на семинаре!

Как мы узнали позже, Кастанеда таким образом разделил группу на две части. Тем, кто совсем не поднимал рук и остался в аудитории, было предложено присоединиться к одной из двух групп по выбору; но из них пришли только двое; остальные, видимо, решили, что и далее будет так же скучно, как на первом занятии.

Занимались мы в течение десяти дней без выходных. Это был, пожалуй, самый насыщенный из его семинаров (мне есть с чем сравнивать: после этого я занимался еще на трех семинарах у Кастанеды и, кроме того, посещал группы тенсегрити, которые вели его ученики).

Утром Кастанеда вел первую группу, вечером занимался с другой. Шестичасовое занятие выжимало из нас все соки. Тед приходил, когда я только начинал собираться к Кастанеде, и, не раздеваясь, валился на диван. Не в силах подняться, он порой лежал до самого моего прихода. Точно в таком же состоянии возвращался домой и я. Сам Кастанеда, похоже, совсем не знал усталости: к концу дня, после работы с обеими группами, он оставался бодр и весел. Кроме семинарских занятий, у нас была «домашняя практика»: доктор давал задания, с разбора которых начиналось занятие следующего дня. Мне было немного легче: я сразу ложился

спать, и на завтра у меня было полдня, чтобы выполнить задание. Тед же часто не успевал (как, впрочем, многие в его группе).

Я знал, что доктор Кастанеда не разрешает использовать на своих семинарах диктофоны или фотоаппараты. Поэтому брал на занятия тетрадь и пару ручек. Так поступили многие, однако нам запретили что-либо записывать.

– Знание должно отпечататься в вас, – объяснил Кастанеда. – Глубина отпечатка и есть мера магического дарования.

Я не претендовал на «магическое дарование» и поэтому утром следующего дня записывал свои впечатления от занятий. Думаю, что так делали и остальные: в конце концов, нам было запрещено делать записи непосредственно на семинаре. За пределами аудитории у нас в этом отношении была полная свобода.

В своем семинарском дневнике я записывал не только то, что рассказывал и задавал нам Кастанеда, но и свои личные наблюдения и размышления. По сути, моя книга – не что иное, как те самые записи, лишь слегка отредактированные. Редакция не коснулась сути: я только расшифровал сокращения и кое-что переставил местами. Кроме того, я незначительно изменил терминологию – для того, чтобы хотя бы немного отстроиться от понятий, которые ввел Кастанеда и которые теперь известны всем. Не подумайте, что они показались мне плохими или недостаточными: я просто хотел показать их новую сторону. Впрочем, понятия эти легко узнаваемы (например, вместо термина «точка сборки» я пишу «точка мира»; Кастанеда его тоже употреблял). Также слова Кастанеды – не его прямая речь, а мой пересказ того, что он говорил. Где-то, думаю, я писал то, что услышал.

День первый. Видение Силы

– Я знаю, вас удивило мое вчерашнее поведение, – начал Кастанеда. – Однако это было необходимо. Люди, стремящиеся к магическому знанию, делятся на две категории: на тех, кто ищет в магии Силы, и тех, кто ее не ищет. Брухо¹ говорят, что первые идут путем собаки (или койота) – ибо собака всегда ищет того, кто сильнее ее. Она может либо служить этой Силе – и тогда Сила за службу дает собаке свое покровительство и пищу. Либо, образно говоря, «подбирать крошки» – то есть служить не самой Силе, а сильному магу; тогда часть его Силы достается собаке.

Вторые – те, кому не нужна Сила, – идут путем волка. Волк уже обладает Силой. Все, что ему нужно, – научиться этой Силой владеть, что подразумевает, прежде всего, не расходовать ее понапрасну. Не надо думать, что путь Собаки хуже или унижительнее, чем путь Волка. В служении Силе есть свое достоинство. Многие брухо отдают предпочтение служению, считая его более высоким путем. К тому же путь Собаки более безопасен.

Вы не пришли ко мне за Силой – значит, вы ею уже обладаете. У каждого из вас она проявляется по-разному. У кого-то – в виде таланта, у кого-то – в виде хорошего банковского счета. На самом деле это одна и та же Сила, и даже не в различных проявлениях, а в различных видениях.

Чтобы по-настоящему овладеть Силой, надо научиться видеть ее истинную суть. Перестройка видения – самое сложное в обретении Знания.

Вы (как, впрочем, и я) – дети европейского менталитета. Существующий мир имеет для вас жестко фиксированные формы. С момента – даже не рождения – с момента зачатия вас учили одному и тому же способу познания.

Вы думаете, что небо – это небо, а земля – это земля, что дома имеют ту форму, которую им дал архитектор, а в музыке вы все слышите одну и ту же гармонию. Между тем как все окружающее вас на самом деле не имеет четкой формы. Все это – Сила. Она принимает тот образ, на который настроено сознание человека. Именно поэтому люди так неуклюже пользуются ею. Точнее, думают, что пользуются. На самом деле Сила пользуется ими. Люди в рабстве у Силы.

Человек знания не имеет четко фиксированного видения. Он видит Силу как она есть – без формы и без пространства. Тот, кто обладает этим видением, может совладать и с Силой, потому что в своем действительном виде Сила очень уязвима. Именно поэтому она всячески сопротивляется любым попыткам изменить видение.

Вопрос из зала:

– Вы хотите сказать, что Сила обладает сознанием?

Кастанеда:

– Безусловно. Однако это не то, что мы привыкли называть сознанием. Я думаю, Сила относится к человеку как колонии тлей относятся к муравьям. Муравьи думают (конечно, если мы примем как условие то, что муравьи способны думать), что тли существуют лишь для того, чтобы их доить. На самом же деле колониям тлей очень удобно существовать рядом с муравейниками, потому что муравьи их кормят и охраняют. Впрочем, это неточная метафора, потому что и тли, и муравьи относятся к одной и той же природе. Сила же имеет совершенно другую природу, отличную от природы человека. Она обладает видением, потому что способна наблюдать за людьми. В то же время ее можно перехитрить, спрятаться от нее или же направить в нужную вам сторону. Сила никогда не пойдет туда, куда ей не нужно идти. Ею нельзя управлять по собственной воле. Владение Силой подобно владению ветром. Ветер может смолоть

¹ Брухо – в переводе с испанского *маг, целитель, шаман*.

зерно на вашей мельнице, но если лопасти ветряка будут направлены не по ветру, ничего не получится. Ваша задача – научиться направлять лопасти ветряка. Но сначала вы должны увидеть Силу.

Но Силу нельзя увидеть глазами, вернее, одними глазами. Глаза настроены воспринимать определенную форму и цвет; все, что не входит в эту настройку, невидимо. Вы уже столкнулись с этой особенностью глаз, когда не заметили меня на отборочном занятии. У меня не было той формы, которая ассоциировалась у вас со словосочетанием «доктор Кастанеда». Хотя я пришел раньше всех и сидел на кафедре, наблюдая за вами. Так же и Сила: она постоянно наблюдает за вами, хотя вы ее не видите. Если бы вы владели искусством расфокусированного зрения, вы бы без труда заметили меня. Впрочем, любой человек видит иногда нечто непонятное ему: силуэт животного, человека или большую голову, или же какой-то предмет. Видит там, где – как он знает точно – ничего нет. Это бывает, когда мы непроизвольно расслабляем взгляд и уносимся мечтами куда-то далеко. Тогда в уголках глаза появляется видение Силы. Когда мы осознаем это, то оборачиваемся – но, естественно, не видим ничего. В таких случаях говорят: «показалось».

* * *

Глаза – ненадежный помощник. У человека знания видение не сосредоточено на одном органе зрения. Все его тело используется как один большой орган видения и чувствования. Можно видеть, к примеру, пальцами. Не так, однако, как видят слепые: они ощупывают форму, и сознание рисует им определенный образ. А в видении телом нет никакого образа. Чтобы вам было понятнее, представьте себе игру на пианино. Палец, нажимая «ми-бемоль», знает, что это «ми-бемоль», не только по расположению клавиши. Он слышит это – но не так, как слышит ухо, а по-другому. Если бы, к примеру, при нажатии «ми-бемоль» прозвучало чистое «ми», палец бы «смутился» и независимо от нашего сознания стал бы искать правильный звук. (Мы ведь тоже смущаемся, когда нам случится принять за старого друга какого-то незнакомца.) При этом ухо запросто могло бы пропустить ошибку. У лучших музыкантов уши расположены на кончиках пальцев. Правда, происходит это бессознательно. А в магии важно осознание. При этом надо отключить все системы, которые привыкли анализировать происходящее. Лучший способ – сбить их с толку.

В период моего ученичества дон Хуан только и делал, что сбивал с толку мои системы анализа. Но по-настоящему отключить их мне удалось только тогда, когда в мексиканской пустыне я принял сухую ветку за агонизирующее неведомое существо. У него была птичья голова и размеры тигра. Дон Хуан утверждал, что это и было неведомое существо, но мои системы анализа через некоторое время включились вновь и «показали» мне сухую ветку. Я был очень доволен своим «разоблачением», но дон Хуан объяснил мне: фокус в том и заключается, чтобы как можно дольше удерживать видение неведомого существа.

Вопрос:

– Значит, нужно воображать, как дети?

Кастанеда:

– Нет. Не нужно воображать, как дети, то есть не нужно делать то, что, по мнению взрослых, делают дети, когда воображают палочку лошадкой. На самом деле дети очень часто обладают видением, именно поэтому игра для ребенка бывает порой серьезнее и важнее, чем так называемая реальная жизнь, в которую его изо всех сил пытаются затащить взрослые. Не нужно путать видение и плод воображения. Если человек видит воображаемое, это чаще всего повод обратиться к психиатру. Маг же видит то, чего не видят другие, но видимое им абсолютно реально.

Вопрос:

– Но как отличить мага от душевнобольного, если и тот и другой видят то, чего не видят остальные? Вероятно, они оба убеждены в реальности того, что видят?

Кастанеда:

– Их видение разной природы. Видение мага – это мистический опыт. Опыт душевнобольного – это опыт наркотического транса обезьяны. Иногда животное по чистой случайности съедает какое-либо наркотическое или ядовитое растение и «сходит с ума». Часто это приводит к гибели, но бывает и забавным. В магазинах, торгующих кормами для животных, продаются мячики, набитые травой непета. Их дают кошкам. Свойство этой травы таково, что кошка может видеть в мячике мышку, или котенка, или что-то иное, то, с чем ей приятно играть и ласкаться. Но видение кошки – не истинное видение, потому что мячик, набитый травой, – это не мышь и не котенок. Мы это знаем, но что до нашего знания кошке? Ей нравится катать этот мячик, кусать его, переносить с места на место, вылизывать или потрошить. Ее переживание – это физиологический акт, от которого изменяется состояние психики. Такого же рода переживания наблюдаются и у душевнобольных людей. Только эмоции, которые они при этом испытывают, часто далеки от наслаждения: это может быть страх или гнев.

Маги общаются с Силой. Эту Силу в разных традициях называют по-разному; духами, демонами или богами. Брухо называют ее просто Силой. Они входят во взаимодействие с ней с определенной целью. Маг всегда получает результат, этим и отличается видение мага от видения сумасшедшего.

Вопрос:

– Но сумасшедшие тоже могут «получить результат». Например, картины, музыка, стихи, написанные в состоянии «видения». Многие душевнобольные утверждают, что общаются с существами не из этого мира и даже получают от них послания. Не так ли и маги получают знание от Силы, с которой общаются?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.